

«Тривиальность» как явление немецкой литературы последней трети XVIII века

А. Н. МАКАРОВ

(КИРОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ)

Статья посвящена проблемам тривиальности в творчестве немецких писателей последней трети XVIII в. Делается попытка поставить вопрос о тривиальном как элементе немецкой литературы, а также о сложном и неоднозначном феномене «великой литературы» на примере литературы Германии. Ключевые слова: тривиальность, немецкая литература, немецкие писатели, эпоха Просвещения.

Понятие «тривиальность» появилось около 1855 г. и связано в литературоведении, как правило, с малозначительной, неглубокой, поверхностной литературой. Если о литературе можно сказать, что это второстепенная литература, то считается, что речь идет именно о «тривиальной» (или массовой) литературе. В данной статье мы не стремимся показать всю ошибочность такого постулата, нам важно прежде всего сориентироваться в представлении о том, что же мы должны и можем понимать под «тривиальностью» литературы.

Исходя из общей характеристики «тривиального», принято считать, что тривиальная литература — это литература, которая проста, понятна всем и каждому. Термин «тривиальный» происходит от латинского слова *trivialis*, произведенного, в свою очередь, от слова *trivium* — «перекресток трех дорог», оно по-

лучило дополнительные значения — «всем известное», «обычное», «обыденное».

Тривиальная литература — это форма развлекательной литературы. В XX в. с этим понятием связана популярная и массовая литература, которая воспринимается и ощущается как нечто второстепенное, малоценное. Тривиальная литература понимается даже как нечто более низкое, чем развлекательная литература, хотя подобного рода дефиниции крайне сомнительны и нередко не позволяют читателю и ученым однозначно отнести то или иное произведение к соответствующему виду.

Р. Хоберг приводит следующую многочисленную группу немецких слов, которые применяются в отношении тривиальной литературы: «*abgedroschen, alltäglich, anspruchlos, banal, bekannt, drittrangig, dumm, einfach, einfallslos, fade, flach, geistlos, geschmacklos, ge-*

wöhnlich, klar, naiv, nichtssagend, niedrig, oberflächlich, offensichtlich, platt, primitiv, schal, leicht, selbstverständlich, simpel, spießig» (Hoberg, 1972: 15; ср.: Hagenbüchle, 2005; Bialik, 2005). Если мы переведем этот весьма знаменательный ряд на русский язык, то у нас получится следующее: «затасканный, обыденный, без претензий, банальный, известный, третьестепенный, глупый, простой, безыдейный, скучный, плоский, бездарный, безвкусный, обычный, понятный, наивный, бессодержательный, низменный, поверхностный, очевидный, пошлый, примитивный, пустой, заурядный, глуповатый, мещанский».

Мы видим, что все определения, которые можно было бы применить к примитивной, неинтересной и т. п. литературе, в этом ряду отмечены. Размышления о проблемах тривиальной, массовой или вообще «иной» литературы начались достаточно давно. В XX в., когда проблема массовой литературы заняла одно из существенных и важных мест в исследованиях проблем культуры в целом, проводились исследования монографического и коллективного плана. Казалось бы, давно и очевидно стало ясно, что тривиальность как элемент массовой литературы заняла свое место в ряду проблем научного анализа.

Вместе с тем давность начала исследований еще не означает исследованности указанной нами проблемы. Мало того, некоторые ученые пришли к выводу о том, что сама по себе она еще не исследована даже приблизительно. «Результаты проведенных работ, — отмечает Х. Гайер-Риан, — в отношении тривиальной, развлекательной и популярной литературы не демонстрируют исследовательского прогресса, которого можно было бы ожидать, исходя из объема проведенных исследований» (Geyer-Ryan, 1983: 7).

С чем же связана проблема столь долго и, скажем прямо, неудачно решаемой ситуации? С тем, что, казалось бы, уже давно и прочно отошло в область предания еще со времен заката классицизма — с понятием «вкус». Если мы обратим внимание на перечисленные выше признаки тривиального, то заметим, что все они так или иначе противостоят понятию хорошего (воспитанного) вкуса. Судя по мне-

нию многих теоретиков, историков литературы и писателей, хороший вкус существует только и исключительно в рамках «высокой», т. е. «художественной» литературы.

Во второй половине XVIII в. понятие «вкус» связывалось с высшими кругами общества того времени. Вместе с тем именно в эпоху Просвещения культура получает новые импульсы и новые возможности. Сейчас в сравнении с XVII в. становятся заметными имевшие место гораздо ранее тенденции, которые и привели в конечном счете к вычлениению из единого литературного потока эти новые тенденции, ставшие достаточно быстро вполне самостоятельными и конкурентоспособными (т. е. именно те, что так резко и несправедливо пытался побороть Ф. Шиллер рецензией на стихотворения своего старшего собрата и учителя Г. А. Бюргера).

Литература последней трети XVIII в. в Германии все более выходит из-под контроля отдельных, пусть даже талантливых, умных и влиятельных лиц. Вспомним в этом контексте о месте и роли Готтшеда, свержение которого, собственно, и было одним из первых признаков наметившейся реформы немецкой литературы и немецкого театра. Никогда до этого ни один из деятелей немецкой культуры не был подвергнут столь резким выпадам, полностью отрицавшим его достижения. Мы наблюдаем существенные изменения в литературном и театральном мире.

Предпринятые далее шаги, появление сочинений Клопштока, Виланда, а затем Лессинга, Гаманна и Гердера, их литературно-эстетическая деятельность и создание собственных художественных произведений, развитие уже к середине века целой отрасли как в самой литературе, так и в театре дают основание говорить о ставшем очевидным и реальным процессе распада литературы на ее «высокое» и «тривиальное» крыло. Традиционные темы литературы обретают иные черты, меняется подход к их разрешению. Так, тема женщины, ее места в обществе связана с процессом ее эмансипации. В это же время происходят изменения в показе чувства. «Вертер» Гете неожиданно для многих продемонстрировал, что излишняя чувствительность характерна и для

мужчины, а не только для женщины. Причем эта чувствительность нерациональная, чувствительность, которую в целом вообще невозможно понять и объяснить.

Связано это было и с усилением в немецкой литературе второй половины эпохи Просвещения предромантизма, который из тенденции конца XVII — начала XVIII в. (Тютюнник, 2008) к середине века превратился в мощное и самостоятельное явление европейской и немецкой культурной жизни (Луков, 2006), оказывавшее влияние на развитие европейского романтизма (например, на В. Скотта с его балладами и поэзией). Предромантические сочинения, например баллады Г. А. Бюргера, поздние романы К. А. Вульпиуса, пьесы и др., оказались неожиданностью как в Германии, так и в европейских государствах, хотя немецкий предромантизм и развивался прежде всего под влиянием английского и французского предромантизма. По сути дела, немецкая литература этого периода не только впервые встала в один ряд с великой европейской литературой, но и породила огромное количество второстепенных авторов и их сочинения.

Огромный интерес к литературе и театру, к печатному слову в целом именно в Германии был обусловлен развитием Германии: единого государства немецкого народа пока не было (и не будет еще многие десятилетия), как не было и единого немецкого народа. Поэтому стремление к национальному единству вызывало стремление создать единый немецкий театр (Готтшед, Лессинг) и единый немецкий национальный язык, который к этому времени был тем единственным, что объединяло все эти десятки отдельных, относительно крупных и мелких государств.

Обратим внимание, что речь о немцах идет прежде всего в рамках тривиальной литературы. Великие писатели как-то не замечали, что немцев как единой нации нет. Даже «Гетц фон Берлихинген» Гете — это не столько национально-немецкая пьеса, сколько пьеса, основанная на национальном материале. Следует все-таки подчеркнуть, что появление «Гетца» и бардитов, а также сочинений иных немецких авторов этого времени стало шагом вперед в приближении к национальной немецкой ре-

альности, которую активно и очень удачно разрабатывали именно «тривиальные» писатели и драматурги. На возможность понимания произведений искусства не только высшими слоями общества обращал внимание и влиятельный французский писатель Л. С. Мерсье («О театре, или Новое эссе о драматическом искусстве», 1773).

Следовательно, формирование представлений немецких тривиальных писателей как таковых и создаваемой ими литературы было, строго говоря, веянием времени, проявлением тенденций развития европейской литературы. Перенос интереса с высших слоев в классицизме на средние слои в эпоху Просвещения, развитие системы образования, набирающая мощь идея эмансипации женщины-неаристократки — все это признаки эпохи. В эту пору образ бунтующей женщины также становится известным в драматургии. Правда, спустя несколько лет Гете уже откажется от своих взглядов штюрмерского периода (в отношении романа Софии фон Ларош «История девицы фон Штернхайм»), равно как и Шиллер, который отходит от своих представлений периода «Бури и натиска». Гете не нравится сейчас именно то, что принималось им несколько ранее: снижение традиционно высоких идей и возвышение низменных (это было в 1799 г., тогда как в 1771 г. его высказывания по поводу этого романа были прямо противоположны) (Geyer-Ryan, 1983: 67).

Тривиальная (массовая) литература последней трети XVIII в. однозначно отражает социальный, психологический, политический и литературно-эстетический образ публики того времени, как мы можем видеть это и в наше время, на что обратил внимание М. Дарендорф (Dahrendorf, 1976; Thuller, 2007). Появление и развитие тривиальной литературы свидетельствует об изменениях в сознании людей. Последняя треть века — это время все более ускоряющегося развития самосознания третьего сословия, которое и становится прежде всего базой и объектом тривиальной литературы.

В этом контексте проблема тривиальной литературы в отечественном литературоведении представляет собой огромный массив

практически непроработанного материала. Гораздо проще отбросить подобного рода литературу куда-нибудь в сторону и говорить о ее неполноценности и приспособляемости к читающей публике. Интереснее здесь все же был бы ответ на вопрос, в связи с чем именно сейчас литература подобного толка получает не просто сильный, но неслыханно сильный импульс для своего развития, ведь именно с этого времени в литературе впервые возникают новые явления, получающие через не очень длительное время название тривиальных, т. е. уже осознанно иных, особенных, очевидных.

Ответом может быть принципиальное изменение отношения к искусству со стороны тех людей, которые в XVIII в. чем далее, тем активнее пытаются играть свою новую роль на арене социальной жизни. Речь идет именно о той части общества, которая многие столетия как бы не существовала, но проявлялась во время бунтов и восстаний — о народе, т. е. той части населения немецких земель, которая к этому времени под влиянием событий в Англии XVII в., а также развития социальных отношений в соседней Франции, творчества Вольтера и энциклопедистов все более стремилась к самостоятельности, — о немецком бюргерстве.

Собственно, говорить о немецком бюргерстве, т. е. более высокой по общественному положению части народа Германии, как активной социально-политической силе надо весьма осторожно. Даже в годы Французской революции лишь в двух-трех местах произошли события, которые можно было бы назвать революционными, но настроение передовых представителей немецкого общества уже было революционным, точнее, «литературно-революционным», как об этом говорилось в отношении движения «Бури и натиска» — «литературной революции» (И. В. Геге).

Мятежность и обыденность, новаторство и традиции — особенность немецкой литературы последней трети XVIII в. В этом контексте вполне осязаемое и определяемое место занимает и тривиальная литература как составная часть единого немецкого литературного процесса, осознающая себя и свое место в культурной жизни немецких земель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Луков, Вл. А. (2006) Предромантизм. М. : Наука.

Тютюнник, И. А. (2008) Истоки предромантических идей в английской литературной критике XVIII века. Киров : Изд-во ВятГГУ.

Bialik, W. (2005) Die gewöhnliche Trivialität: Zu Sekundär-Botschaften und zur Ideologie der En-passant-Aussagen in Heinz Günther Kosaliks später Romanproduktion. Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; N. Y. ; Oxford ; Wien : Lang.

Dahrendorf, M. (1976) Trivalliteratur als Herausforderung für eine literaturdidaktische Konzeption // Didaktik der Trivalliteratur / hrsg. von P. Nusser. Stuttgart : J. B. Metzler. S. 40–51.

Geyer-Ryan, H. (1983) Der andere Roman: Versuch über die verdrängte Ästhetik des Populären. Wilhelmshafen : Heinrichshofen's Verlag.

Hoberg, R. (1972) Trivial: zum Wortgebrauch im heutigen Deutsch // Das Triviale in der Literatur, Musik und Bildender Kunst / hrsg. von H. de la Motte-Haber. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann. S. 9–20.

Hagenbüchle, R. (2005) Kultur im Wandel oder die Provokation des Vulgären. Würzburg : Königshausen und Neumann.

Thuller, G. (2007) Kitsch : Balsam für Herz und Seele. Stuttgart : Belser.

Дата поступления: 11.03.2013 г.

THE «TRIVIALITY» AS A PHENOMENON OF THE GERMAN LITERATURE OF THE LAST THIRD OF THE 18TH CENTURY

A. N. Makarov

(Kirov State Medical Academy)

The article deals with the problem of triviality in the works of the German writers of the last third of the 18th century. The author tries to pose a question about the trivial as an element of German literature as well as about a complicated and ambiguous phenomenon of «great literature» by the example of literary works of Germany.

Keywords: triviality, German literature, German writers, the age of Enlightenment.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Lukov, Vl. A. (2006) Predromantizm. M. : Nauka. Tjutunnik, I. A. (2008) Istoki predromanticheskikh idei v angliiskoi literaturnoi kritike XVIII veka. Kirov : Izd-vo ViatGGU.

Bialik, W. (2005) Die gewöhnliche Trivialität: Zu Sekundär-Botschaften und zur Ideologie der En-passant-Aussagen in Heinz Günther Kosaliks später Romanproduktion. Frankfurt am Main ;

Berlin ; Bern ; Bruxelles ; N. Y. ; Oxford ; Wien : Lang.

Dahrendorf, M. (1976) Trivialliteratur als Herausforderung für eine literaturdidaktische Konzeption // Didaktik der Trivialliteratur / hrsg. von P. Nusser. Stuttgart : J. B. Metzler. S. 40–51.

Geyer-Ryan, H. (1983) Der andere Roman: Versuch über die verdrängte Ästhetik des Populären. Wilhelmshafen : Heinrichshofen's Verlag.

Hoberg, R. (1972) Trivial: zum Wortgebrauch im heutigen Deutsch // Das Triviale in der Literatur, Musik und Bildender Kunst / hrsg. von H. de la Motte-Haber. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann. S. 9–20.

Hagenbüchle, R. (2005) Kultur im Wandel oder die Provokation des Vulgären. Würzburg : Königshausen und Neumann.

Thuller, G. (2007) Kitsch : Balsam für Herz und Seele. Stuttgart : Belser.